

312

Низ

Отдѣльные нумера въ Петроградѣ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЯТЬ (65) коп., въ провинціи СЕМЬДЕСЯТЬ (70) коп.,
на станц. жел. дор. 75 коп.

ОГОНЕКЪ

№ 1 - 1918 г

МИРЪ ИЛИ НОВАЯ ВОЙНА?

На Невскомъ въ смутные и тревожные дни въ концѣ февраля.

Рисунокъ съ натуры для журнала «Огонекъ» худ. И. ВЛАДИМИРОВА.

Петроградъ въ эти дни

Очеркъ АВГУРА.

Наброски съ натуры худ. С. ЖИВОТОВСКАГО.

Когда то поэтъ прозрачной мистики Роденбахъ въ чеканныхъ строкахъ молилъ Бога.

«Дай грезъ насущныхъ вмѣсто хлѣба».

И эти строки представлялись читателю верховъ недостижимой красоты.

Теперь мы, обитатели первой столицы, въ такомъ, можно сказать, красивомъ, возвышенномъ состояніи.

Грезъ сколько угодно, а насущнаго хлѣба всего на всего восьмукхъ въ сутки и при томъ съ достаточной примѣсью

разбрасываютъ свои узорчатые крылья афиши, веселые проспекты, бойкія летучки.

Вотъ балъ-монстръ, съ розыгрышемъ двѣнадцати фунтовъ кислаго казарменнаго хлѣба.

Хлѣбъ за красоту.

Элевзинскіе призы довольно безцѣльно состояли въ лучшихъ розахъ и прохладныхъ лиліяхъ, — не угодно ли — тутъ призы въ вѣсовомъ мякишо-ячменномъ хлѣбѣ.

* * *

Двѣ очереди. Почти слились своими темными, волнующимися хвостами.

Могучая черта водораздѣла сникла, сгасла.

Теперь ужъ поистинѣ слились всѣ: и дѣти народа, и дѣти петроградскихъ бель-этажей.

Одна очередь — къ табаку. Другая — къ шоколаду.

Бросивъ пристальный взоръ, вы, пожалуй, различите побольше оренбургскихъ платковъ и ломаныхъ клеенчатыхъ козырьковъ «въ череду» на табачишко.

Коричневая шинель, въ рваныхъ углахъ и съ повисшимъ печально хлястикомъ на испачканой спинѣ, остричь подтопывая казеннымъ вохряно-желтымъ сапогомъ:

— На языкъ я не мастеръ, а знаю што тютюнъ, а што кнастеръ.

Старинная шутливая поговорка.

Ею бодро, съ крѣпкой жизнерадостностью перебрасывались шипкинскіе герои, борцы кроваваго Горнаго Дубняка, распахнутыя патріотическія груди Малахова Кургана

Какъ странно слышать эту славную старину изъ устъ столь модифицированныхъ шинеленосцевъ.

Тутъ же продаютъ табакъ на «выность» и опять съ методичностью чисто прусской становятся въ очередь, чтобы снова расторговаться.

Дѣло шибко идетъ.

Въ шоколадной очереди терпѣливо стынуть дамы въ серебристо-дымныхъ дорожныхъ шиниляхъ, въ лимонно-блѣдныхъ прекрасныхъ горностаяхъ.

Дуютъ на пальчики въ заочленѣвшей цвѣтной лайкѣ. Похлопываютъ бѣлыми высокими ботиками.

Студено! Но стояніе въ очередяхъ стало такой же модой, какъ нѣкогда, въ сытые безпечные дни — роликотанье и увлечение ультра-декадентскимъ виршеплетствомъ.

Въ окпѣ, отливающимъ зеркально, пестрѣютъ горки темнаго, винно-орѣхо-

Восточныя сладости.

старинки, которой не столь давно покрывали хуторскіе овины и избы.

Содома въ хлѣбѣ. А въ призывно-горящихъ всѣми цвѣтами типографской радуги афишахъ отпущено въ преизобиліи всякихъ грезъ и удовольствій — серпантины и летучая «почта», которая только здѣсь въпропыленныхъ залахъ и летаетъ, а по матушкѣ Россіи давно уже впала въ безнадежность и никуда не движется.

Кавалеры въ репейномъ маслѣ на жесткихъ, какъ шерсть волосахъ, дамы въ новыхъ пахучихъ ситцахъ полькируютъ и вальсируютъ, и энергичнымъ акомпаниментомъ вмѣсто щелканья испанскихъ кастаньетъ раздаются сухой ожесточенный трескъ подсолнышекъ на крѣпкихъ зубахъ.

Чѣмъ живѣй сжмается хлѣбная порція, тѣмъ шире

Жертва голода.

ваго кавказскаго гозонаха, одесской халвы, маріупольскаго рахата, бормановскаго шоколада въ простыхъ оберткахъ, леденцовъ на самой лучшей патоцѣ, миндалю въ жженомъ рафинадѣ.

Подумать, что за угломъ, у хлѣбной лавки, предъ огромной очередью агитатора съ изступленной страстностью дискусируетъ съ охочими людьми попутанному и сложному вопросу:

«Когда же насъ, наконецъ, накормятъ?»

Шоколаду — пуды, а хлѣба — крошки.

* * *

У сѣраго моста, покрытаго инсемъ и заѣзжаннаго тѣлками, собралась толпа, перегнувшаяся черезъ перила, на которыхъ кленки подъ налетомъ мороза сіяютъ, какъ серебряныя.

Хлѣбная драма.

312
Рукописи, присланные безъ обозначенія условій, оплачиваются по опредѣленію редакціи. Возвращеніе рукописей не обязательно. Редакція проситъ фотографовъ-любителей и профессиональных присылать отчетливые снимки выдающихся событій. Помѣщенные въ журналъ фотографіи оплачиваются по принятой Редакціей расцѣнкѣ.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ОГОНЬКЪ

Годъ изданія II-й.

Цѣна „Огонька“
въ розничной продажѣ:
въ Петроградѣ 65 коп.
въ Петроградѣ 70 коп.
на ст. жел. дор. 75 коп.
Редакція „Огонька“
Петроградъ, Галерная ул.,
№ 60.

№ 1

Воскресенье, 3 марта (18 февраля) 1918 г.

№ 1

Послѣ долгаго молчанія—прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ—мы снова встрѣчаемся съ нашимъ читателемъ, дарившимъ „ОГОНЬКУ“ симпатіи много лѣтъ. Невольный перерывъ въ работѣ оставилъ безъ освѣщенія „ОГОНЬКА“ цѣлый рядъ явленій и этотъ пропускъ, конечно, не можетъ быть теперь же восполненъ. Россія переживаетъ сказочные дни. Важнѣйшія для всей страны событія чередуются съ быстротой кинематографической, и пегвое и главное три мѣсяца назадъ — сегодня уже почти архивный матеріалъ, хотя и имѣющій историческую цѣнность.

Довлѣтъ днеи злорада его. Вѣрный своимъ задачамъ, „ОГОНЬКЪ“ съ этого же номера возобновляетъ работу, какъ будто и не потухалъ на время. Въ мѣру силъ мы даемъ въ журналѣ отраженіе того, что сейчасъ у всѣхъ въ умѣ и сердцѣ, что просится на уста. Завтрашняго дня не знаетъ никто, большинство боится и угадывать его, но мы довольны, если сумѣемъ возможно ярче и полнѣе освѣтить только настоящее, какъ бы быстротечно оно ни было.

Изящная словесность по прежнему представлена въ „ОГОНЬКѢ“ лучшими русскими писателями и являетъ самодовлѣющій литературный отдѣлъ, не связанный съ мимолетными мотивами переходящихъ злобъ и настроеній.

Въ ближайшихъ номерахъ „ОГОНЬКА“, кромѣ другихъ новѣйшихъ произведеній, будутъ напечатаны большіе рассказы А. И. КУПРИНА—„Гусеница“ и А. В. АМФИТЕАТРОВА—„Поэтессы и вѣдьмы“.

Вынужденные пользоваться услугами чужой типографіи и цинкографіи просимъ быть снисходительными къ недочетамъ, неизбѣжнымъ при возобновленіи дѣла въ новыхъ, трудныхъ условіяхъ. Надѣемся на былую дружбу и нравственную поддержку читателя.

ДЕМОБИЛИЗАЦІЯ.

По фотографіи съ фронта для „Огонька“

Пошли домой....

Объявленная совѣтскимъ правительствомъ демобилизація на громадномъ пространствѣ русскаго фронта, конечно, протекала не вездѣ одинаково. Кое-гдѣ

это былъ стихійный порывъ аомой, внѣшне подобный паническому бѣгству передъ непріателемъ. Въ иныхъ мѣстахъ торопились, не обнаруживая излишней по-

спѣшности и забирая съ собой въ деревню имущество, въ томъ числѣ и ружья съ накопленными патронами.

Смѣ

Разсказъ Вас. Ив. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО.

Иллюстрировалъ для «Огонька» худ. В. С. СВАРОГЪ.

I.

Это былъ военный прокуроръ.

Занятіе, по тогдашнему времени, не особенно нѣжное, но Бабушкинъ, навѣрное предназначался судьбою быть любвеобильною матерью семейства, а ужъ никакъ не носить серебряный приборъ по малиновому и писать обвинительные акты, рекомендуя суду «черезъ повѣшеніе».

И вкусы у него были дамскіе.

Мы считали его жену удивительной рукодѣльницей. Столько у нихъ было вязаныхъ, вышитыхъ салфетокъ, салфеточекъ, дорожекъ, накидокъ на кресла и на диваны! Но она какъ то сообразала:

— Я тутъ не причемъ. Это все Андрей Васильевичъ... Знаете, въ свободное отъ писанія обвинительныхъ актовъ время—для него первое удовольствіе. Сидитъ за пальцами и подбираетъ гаруса.— Видите эту подушечку съ барашками—все онъ... Или роуль, или пальцы!

И въ картахъ онъ обнаруживалъ дамскіе вкусы.

Терпѣть не могъ винта и бриджа, а, или раскладывалъ пасьянсъ (самъ признавался: «я ихъ сорокъ знаю») или игралъ въ рамсъ и тетку, подсаживалъ партнершъ и, задумчиво покачиваясь, не упускалъ случая заглянуть въ сдачу сосѣдкѣ.

Любилъ нѣжные духи, платилъ педикюру по пяти цѣлковыхъ за отдѣлку ногтей на ногахъ и даже на ходу по женски игралъ бедрами.

Про него сплетничали, что онъ носитъ дамскіе чулки и спитъ въ «новобращенныхъ» кружевныхъ рубашкахъ. Мадамъ Бабушкина, когда ее спрашивали объ этомъ, краснѣла и молчала или отдѣлывалась неопредѣленнымъ:

— Онъ, вообще, нѣжный!

Самъ полковникъ разсказывалъ, что въ толстолопой Швейцаріи онъ покупалъ женскіе ботинки... «У нихъ мужскіе—точно на слона!»

И судачилъ—ни одной старой дѣвѣ такъ не удавалось. Судебная слѣдовательша, которой въ этомъ никакъ не случалось побить рекорда, восклицала съ отчаяніемъ:

— И откуда у него такое воображеніе! Заботился о талии. Носилъ сюртуки съ наваченною грудью.

Но при всей своей нѣжности къ человечеству относился отрицательно.

— Если разобрать какъ слѣдуетъ, такъ нѣтъ такого двуногого, котораго нельзя сослать на каторгу... И это еще лучшихъ, а большую часть—«черезъ повѣшеніе!»

Очень уже онъ любилъ эти два слова.

II.

Человѣкъ женственности безконечной, декламировавшій чувствительные стихи со слезами, садясь за прокурорскій столъ, словно преображался.

Узнавъ, что обвинять будетъ Бабушкинъ, подсудимый, загодя, считалъ себя погибшимъ. Андрей Васильевичъ по собачьи вгрызался въ него, волкъ волкомъ рвалъ живые въ куски. Въ немъ росла слѣпая и жестокая ненависть. Зубъ за зубъ съ защитникомъ, онъ не только оправданіе, но и снисходительность считалъ личною себѣ обидой, нарушеніемъ священнѣйшихъ своихъ правъ. Онъ не сводилъ острыхъ, безжалостныхъ глазъ съ молодого энтузіаста офицера, увлеченнаго святыми миражами, и его товарища захудалого солдата, сидѣвшихъ между двумя жандармами.

— «Ну братцы мнѣ капутъ!»—отчаянно восклицалъ подсудимый, получивъ обвинительный актъ.

— А что?

— Я къ Бабушкину въ лапы попалъ. Въ камерѣ смолкали.

Всѣмъ чудилась уже веревочная петля на шеѣ обвиняемаго.

— А кто тебя защищаетъ?

— Да вѣдь въ военномъ судѣ... При чемъ тутъ защитникъ?

— Все таки...

— Я не ребенокъ, чтобы тѣшиться сказкой. Говорятъ тебѣ Бабушкинъ.

Люди сами себѣ отсѣкали пальцы, ложились въ больницы, но Бабушкинъ, намѣтивъ себѣ жертву, не отказывался отъ нея. Требовалъ переосвидѣтельствованія и когда ему говорили:

— Да какое вамъ дѣло?

— Какъ? А если обвинять будетъ Разлапинъ?

— Ну?

— Оправдать не оправдаютъ, а отъ «черезъ повѣшеніе» уйдетъ.

Познакомясь съ благоухавшимъ полковникомъ, я вѣрить не хотѣлъ такой репутаціи. Еще бы! Только наканунѣ онъ мелодекламировалъ—дамы плакали и уже на что зубы и тѣ ему жали руки. Предсѣдатель союза русскаго народа—чугунная гиря, а не человѣкъ, прослезился и, неизвѣстно къ кому обращаясь, слюняво, нелѣпо и растерянно хрюкалъ:

— Голубчики...

А черезъ нѣсколько дней мнѣ прислали билетъ въ военный судъ.

На скамьѣ подсудимыхъ—ребенокъ, едва ли въ миражѣ героизма соображавшій за что онъ сидитъ.

— Ну, уже тутъ и Андрей Васильевичъ сниксуетъ,—увѣрили судебныя дамы.

И представьте! Не только не скисозалъ, а когда ребенка вмѣсто «через повѣшеніе» приговорили сослать въ тартарары, Бабушкинъ съ перекошеннымъ лицомъ налетѣлъ на председателя—дикобразъ дикобразомъ.

— Ну, это, ваше превосходительство, мы еще посмотримъ... Я сегодня же... Навѣрное, добьюсь отмѣны приговора... Побѣду къ командующему войсками.

Присяжный повѣренный хотѣлъ было усовестить его:

— Вамъ не жалъ? Вѣдь ему по метрику двадцать—а всмотритесь, и пятнадцати не дадите.

— Это мое дѣло... И... прошу не вмѣшиваться.

Жена его потомъ наивно рассказывала:

— Представьте, André сегодня даже не обѣдалъ. Я нарочно любимые его вареники заказала. И какъ удались! Не вареники, а сливки! Даже не взглянулъ, а обыкновенно онъ ихъ двѣ глубокія тарелки съ верхомъ.

III

Вечеромъ я зашелъ къ нимъ.

Кабинетъ Андрея Васильевича былъ рядомъ съ гостиной.

Бабушкинъ работалъ.

— Выйдетъ къ чаю...

Благоговѣнно шептала жена.

— Надъ чѣмъ онъ?

— Обвинительный актъ пишетъ.

Прислушалась.

— Вѣрно, «черезъ повѣшеніе»...

И какъ у нея это просто вышло, въ родъ: «не хотите ли еще сухарика?»

— Почему вы думаете?

— А вы слушайте, что онъ про себя напѣваетъ.

— Плохо разбираю.

— Онъ очень музыкаленъ. Его романсы есть даже въ продажѣ. Я такъ и знаю: если онъ «Вы жертвою пали борьбы роковой», значитъ «черезъ повѣшеніе». Я уже привыкла: цѣлые вечера вѣдь. Ночью проснешься—наша спальня сейчасъ за кабинетомъ—и въ ней слышно: «Вы жертвою пали». Ну, а если «Вставай, подымайся, рабочий народъ» значитъ больше каторги никакъ нельзя... Да, вотъ и онъ самъ.

Полковникъ вышелъ смутный и разсѣянный.

Самъ жметъ мнѣ руку, а подъ сурдинку бубнить:

— «Вы жертвою пали»...

— «Черезъ повѣшеніе?» — нѣжно спросила его жена.

Нарочка была на удивленіе подобранная, нѣжная, любящая...

— Да, душонокъ, пять человекъ.

— И всѣхъ?

— Еще бы... Не отвертятся. Распустились. Защитникъ изъ Питера не успѣетъ... Нашъ Колоумовъ будетъ. Ну, этотъ пятокъ! Знаете...

Онъ подошелъ къ роялю.

Взялъ нѣсколько аккордовъ.

— Это совсѣмъ не подходитъ!

— Что?

— А вотъ напѣвъ. Не сильно, не торжественно. Тутъ гнѣвные вихри нужны! Вѣдь люди идутъ на смерть за идею. Надо понять. Вѣдь это дѣйствительно жертвы «борьбы роковой». Гологофа... Капитолій... Колизей! Нужно массо-

Полковникъ бархатнымъ теноромъ поетъ:
«Вы жертвою пали»...

вое, гигантское, стихійное. Весь земной шаръ разинулъ пасть и реветъ отъ бѣшенства, мести, отчаянія... Вы схватываете? Я вотъ нащупываю мотивъ... Послушайте.

Сѣлъ за рояль.

Короткая ритурнель.

— Понимаете... Народъ, весь народъ идетъ къ великимъ могиламъ. Замираетъ все—поминаютъ своихъ мучениковъ... Гулъ охватываетъ громадный городъ—всѣ на пути къ святымъ мѣстамъ... Средневѣковье. Паломники. Петры Пустынники впереди и вотъ на самой площади—взрывомъ:

«Вы жертвою пали борьбы роковой»...

Хорошо?

— Еще бы.

Жена на меня оглядывается, будто приглашая: «Каковъ у меня мужъ? Вѣдь онъ мой, полюбуйтесь! Не герой, а?»

— А «Вставай, подымайся, рабочий народъ». «Это наша «enfants de la patrie»!.. Вы схватываете? Вѣдь это нутро первозданной разворачивается... Унести должно въ головокружительную высь...

Взываются и рушатся Монбланы. Милліоны грудей поютъ борьбу и побѣду. Кличутъ другимъ милліонамъ: «Нора, проснитесь: аих агmes citoyens!..» Тутъ хоровой, всенародный восторгъ... Порывъ отъ полюса до полюса.. Народы въ немъ—единицы. Поля, лѣса поютъ, моря бьются въ скалы. Тучи небесныя громами отзываются, молніи рвутъ ихъ въ клочья... Вотъ послушайте...

IV.

Какъ то у насъ повѣсили кого то. Прохажу мимо деревяннаго домика, гдѣ жилъ Андрей Васильевичъ.

Было лѣто — окна настежь, цвѣты, аनावѣски. Рояль оттуда.

— Presto, presto, prestissimo— presto — скорѣ темпъ! Тутъ не moderato. Напротивъ!

Я приостановился.

Что бы это было?

Слышу полковникъ бархатнымъ теноромъ поетъ подъ аккомпаниментъ жены:

«В жертвою пали» на свою музыку. Весь въ артистическомъ экстазѣ, ничего не видя передъ собою. Кончилъ подошелъ къ окну и наткнулся на меня.

— Правда будетъ хорошо?

— Да.

— Жаль—нельзя напечатать. Чортъ знаетъ,

что у насъ за цензура! Архаическая совсѣмъ. Даже на музыку! Ужъ кажется! Вотъ вообще deux раus, гдѣ жить нельзя!.. А еще конституцію пишутъ! Эхъ, выиграть бы 200.000 въ лотерею и—маршъ за границу. Здѣсь жить нельзя... Ни свободы, ни природы—одна мерзость и опричина!

Вас. Немировичъ-Данченко.

* * *

Какъ ночь надъ міромъ затнулася!

Что медлишь новый день зарей?

Смотри, все спавшее проснулось,

Глаза открыло, улыбнулось...

Но стеръ улыбку мракъ ночной.

И смущена душа... и молитъ:

— Господь, Господь, гдѣ жизни свѣтъ?

Пусть эту ночь лучемъ проколетъ

Скорѣ солнечный разсвѣтъ!..

Проснулись мы и напряженно

Глядимъ въ слѣпую темноту,—

Глядимъ то радостно-влюбленно,

То такъ печально-похоронно...

И обнимаемъ пустоту...

Филаретъ Черновъ.

Мужская дружба и женщина

Рассказ
П. П. ГНѢДИЧА.

Иллюстрировалъ для «Огонька»
худ. С. П. ЛОДЫГИНЪ

I.

Модестъ Петровичъ Смыковъ, чиновникъ по особымъ порученіямъ при Кипріянь Асафовичѣ Живириздинѣ, долженъ былъ въ воскресенье обвѣнчаться съ дочерью барона Акиса, Эльзой. Баронъ былъ изъ захудалыхъ, жилъ въ Шестилавочной улицѣ, въ деревянномъ домикѣ съ палисадникомъ, въ гостиной, на видномъ мѣстѣ, держалъ портретъ, на которомъ изображены были: онъ самъ, напряженно улыбающійся, его супруга Ида Юльевна, съ огромной розой между персями, а внизу маленькая пятилѣтняя Эльза, стоявшая у колѣнъ родителей въ видѣ голенькаго амура женскаго пола. Приданого за Эльзой было всего пять тысячъ деньгами, да деревня въ двадцать пять душъ, гдѣ-то подѣ Лугой, носившая названіе «Вытряски». Сама Эльза была воздушна, прозрачна, и отъ нея вѣяло необычайной непорочностью. Все въ ней было прозрачно: и глаза, и бѣлокурые волосы, и кожа, и ногти, и платье, подпоясанное лентой «высоко, высоко, какъ разъ тамъ, гдѣ она должна будетъ завести молочную ферму для потомства Смыковыхъ. Модестъ Петровичъ считался чиновникомъ съ блестящей карьерой. Баронъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что его дочь подцѣпила такого жениха и не разъ говорилъ:

— Ты умная дѣвушка, Эльза.

То же подтверждала Ида Юльевна. Въ сумеркахъ, когда баронъ послѣ обѣда отдыхалъ въ кабинетѣ на большомъ клеенчатомъ диванѣ, она сидѣла съ дочкой въ «будуарѣ», подальше отъ форточки, изъ которой нестерпимо дуло, и внушала ей тайны обращенія съ будущимъ мужемъ, дабы супружеское счастье было прочно и алтарь пенатовъ горѣлъ яркимъ, неугасающимъ огнемъ.

— Бери примѣръ съ меня, — говорила Ида Юльевна, поводя по воздуху своимъ краснымъ носомъ. — Двадцать лѣтъ прожила я съ твоимъ отцомъ въ столь амюзантныхъ отношеніяхъ, что всякій долженъ позавидовать подобной позиціи.

II.

Предстоящей свадьбой всѣ были довольны. Самъ Модестъ чувствовалъ сладостный трепетъ при видѣ прозрачной

Эльзы, и все казалось ему, что, когда онъ ее обниметъ, она растаетъ какъ облако, какъ пухъ, какъ что-то неземное, невѣсомое. Особенно ея шейка и затылокъ съ золотистыми крутящимися колечками волосъ казались ему чѣмъ-то небеснымъ, хотя, въ сущности, зачѣмъ бы на небесахъ быть такому затылку? Весь виѣшній обликъ этой «лунной феи», какъ называлъ ее въ мечтахъ женихъ, выкупалъ всѣ остальные недочеты: мизерное приданое, захудалость баронскаго рода. На это намекалъ и Кипріянь Асафовичъ.

— Вѣдь баронъ теперь не у дѣлъ, — вскользь сказалъ онъ однажды Смыкову на докладѣ. — Едва ли онъ тебѣ можетъ быть полезенъ.

— Я на него и не рассчитываю, — дѣлая наивные глаза, сказалъ Модестъ и внезапно самъ для себя прибавилъ: — я только уповаю на одного васъ, Кипріянь Асафовичъ. Захотите — сдѣлаете меня счастливымъ, не захотите....

Онъ не договорилъ, точно поперхнулся слезами и опустилъ глаза долу. Живириздину это понравилось. Онъ сказалъ только:

— Да, уповать ты можешь.

Модестъ сунулся къ груди начальника, какъ будто хотѣлъ поцѣловать его въ плечико, но тотъ подставилъ ему бритую щеку и самъ чмокнулъ въ високъ своего подчиненнаго.

— О, какъ чувствительно! — раздался въ это время голосъ Софьи Викторовны, жены Кипріяна Асафовича. Она вошла въ кабинетъ мужа черезъ дверь краснаго дерева съ бронзой, что соединяла ея половину съ кабинетомъ супруга. Она стояла и улыбалась. — Сколь очаровательный альянсъ! — продолжала она. — Сколь пріятно видѣть такое содружество между начальникомъ и подчиненнымъ!

— Я многимъ обязанъ Кипріяну Асафовичу, — какъ-бы оправдываясь сказалъ Модестъ.

— О, я васъ не осуждаю, а напротивъ того радуюсь — проговорила она, все улыбаясь.

Улыбаясь, она остановилась передъ зеркаломъ, большимъ широкимъ, цѣлкомъ отражавшимъ всю фигуру, подняла

кверху руки и стала поправлять прическу, хотя прическа была въ порядкѣ. Руки у нея были полныя, алебастровыя. Подъ тонкой тканью весенняго платья, — тогда, въ началѣ XIX вѣка, только и носили тонкія ткани, — чувствовалось тѣло, крѣпкое, упругое, налитое. И грудь, и животъ точно сквозили подѣ складками обтянутого по модѣ платья. Она, кажется, была довольна собою и своимъ виѣшнимъ видомъ и даже тѣмъ, что ей тридцать два года, а Кипріяну Асафовичу шестьдесятъ семь.

III.

Она была прямой противоположностью Эльзѣ. Эльза вся была соткана изъ эфира, Софія Викторовна вся была terre-à-terre. Отъ Эльзы вѣяло небомъ, отъ Софіи Викторовны — адемомъ. Глаза у нея были глубокіе, черные, и дна у нихъ не было, — это была какая-то бездна. Рѣсницы были у нея длинныя, пушистыя, бѣлки — синіе. Отъ нея скакали какія-то электрическія искры. Когда Модестъ, по должности чиновника особыхъ порученій, цѣловалъ ея ручку, онъ чувствовалъ эти токи. А она была такъ спокойна. Такъ безразлично относилась къ нему, такъ равнодушно смотрѣла на него, какъ смотрѣла на каминъ, стулья, лампы, на лысину мужа.

Такъ было до вчерашняго дня. Вчера — наканунѣ того дня, когда она вошла въ кабинетъ Кипріяна Асафовича и увидѣла двухъ мужчинъ въ объятіяхъ другъ друга, она вдругъ спросила у него, слегка нахмурясь:

— Вы, кажется, женитесь?

Онъ отвѣтилъ: «да!» Она спросила: — «На Эльзѣ Акисъ?». Онъ подтвердилъ: «да!». Тогда она сказала:

— Я никогда ея не видала. Говорятъ, она похожа на лунный лучъ. Правда? Тѣгучій, безкровный, холодный?

Онъ сказалъ: — Да!

Она посмотрѣла на него въ первый разъ внимательно, на его лобъ, глаза, носъ, подбородокъ, шею, грудь и такъ далѣе. Потомъ засмѣялась. Повернувшись къ зеркалу, — она очень любила смотрѣться въ зеркало, — и точно вслухъ подумала.

— Я не люблю блондинокъ. Я рада, что брюнетка. Блондинки страдаютъ

малокровіемъ и похожи на куриный супъ, что даютъ больнымъ.

«Зато вы похожи на люцифера,» — хотѣлъ сказать онъ, но не сказалъ.

IV.

Она ему давно казалась демономъ. Что-то роковое, демоническое, властное было во всей ея фигурѣ, во всѣхъ ея движенияхъ. Кипріанъ Асафовичъ, видимо, боялся ее. Онъ подчинялся ей больше, чѣмъ кому-бы то ни было. И ея властность простиралась на всѣхъ, кто вращался вокругъ нея. Казалось, она случайно попала сюда, въ земной міръ, и точно удивилась этому.

Вчера вдругъ Модесту показалось, что она остановила на немъ, на Модестѣ, взглядъ болѣе внимательный, чѣмъ всегда. Его что то кольнуло, пронизало насквозь. Она смотрѣла въ зеркало, гдѣ отражался онъ, а онъ смотрѣлъ на ея отраженіе. Потомъ она опять посмотрѣла на себя и спросила:

— Такъ вы очень любите вашъ Лунный лучъ?

Онъ отвѣчалъ: — очень!

И вдругъ понялъ, что произошло что-то. Вдругъ внезапно произошло, неожиданно для нея и для него. Произошло если не сейчасъ, то произойдетъ завтра, послѣ завтра. Если бы была у него не одна Лунная фея, а цѣлыхъ три — все-таки это неизбежно.

V.

Кипріанъ Асафовичъ ѣхалъ въ сенатъ. Онъ былъ озабоченъ и потому усиленно жевалъ мясистыми губами. Онъ никогда не бралъ съ собою Модеста: онъ хотѣлъ показать предъ сослуживцами, что обходится во всѣхъ дѣлахъ самостоятельно и ни въ чей подмогъ не нуждается. И нынче, переспросивъ о нѣкоторыхъ статьяхъ закона и записавъ то, что сказалъ Модестъ, онъ сунулъ эту записку въ бумаги. Онъ никогда не проверялъ того, что подсовывалъ ему Смыковъ, зная, что все равно, какую статью ни назвать, сослуживцы только ретивѣ птичьимъ пупкомъ сдѣлаютъ и согласятся. И теперь онъ своего секре-

таря, проводившаго его до лѣстницы, — свѣтлой, съ колоннами, крытой ковровой дорожкой съ мѣдными прутьями, — оставилъ дома.

Модестъ возвратился въ кабинетъ, чтобы забрать изъ кабинета нужныя бумаги и ѣхать къ невѣстѣ. Въ груди у него боролись два образа: нѣжный, сіяющій, ангельскій, блѣлокурый и демоническій, черный, но неотразимый. У обоихъ были пламенные ме-

«До выхода вашего изъ дома зайдите ко мнѣ на половину по одному необходимому дѣлу, не терпящему отлагательства».

Его опять что то кольнуло по вчерашнему въ грудь. Но онъ пошелъ.

VI.

Софья Викторовна сидѣла среди разбросанныхъ вокругъ парижскихъ рисунковъ, изображающихъ «модные костюмы».

Съ вниманіемъ, наморщивъ лобъ, она изучала, до чего дошли французскія модистки. Когда вошелъ Модестъ, она, какъ бы продолжая свои мысли, сказала:

— До чего коротки юбки стали: выше колѣнъ. Посмотрите.

Но она не подала ему раскрашенной картинки, а, нагнувшись надъ ней, разсматривала ее. Она точно приглашала его наклониться близко къ ней и тоже начать разсматривать. Онъ наклонился. Но сталъ смотреть не на рисунокъ, а на ея плечи и на каменную, что висѣла на золотой цѣпочкѣ черезъ шею. Отъ шеи пахло чудеснымъ крѣпкимъ одуряющимъ запахомъ какихъ то восточныхъ духовъ, отъ нея всегда такъ пахло. Именно такой ароматъ и шелъ къ демоническому облику чернаго ангела.

— Вамъ это нравится? — спросила она.

— Очень, — отвѣтилъ онъ.

Ему показалось, — что духъ Эльзы стоитъ сзади и стережетъ его. Поэтому онъ не наклонялся ниже, а точно застылъ въ своей позѣ.

Софья Викторовна подождала немного, потомъ положила рисунокъ въ сторону и освѣдомилась:

— Больше ничего не имѣете прибавить?

Онъ потрясъ отрицательно головой и сказалъ:

— Ничего.

Она удивилась. Потомъ протянула руку къ атласному банту, лежавшему на кругломъ столѣ, и сказала:

— Видите, вотъ подвязка. Она разорвалась. Починить ее нельзя. Продаются такія только въ парижскомъ магазинѣ,

Софья Викторовна со вниманіемъ изучала, до чего дошли французскія модистки...

чи, и они готовы были вступить въ бой...

«Сейчасъ въ Шестилавочную ѣду», подумалъ онъ, набивая портфель бумагами. «О, сколь отрадно мнѣ будетъ увидѣть мою «Лунную фею»...

Въ эту минуту холопъ въ бѣлыхъ чулкахъ и пестрой ливрѣ подаль ему записку, заклеенную крохотной голубенькой облаткой, и сказалъ:

— Отъ ея высокопревосходительства.

Онъ вскрылъ бумажку съ золотымъ обрѣзомъ. Тамъ значилось:

Его Святейшество, первый всероссийский патриарх Тихонъ.

на Невскомъ, въ домъ французской церкви. Съѣздите туда и привезите такого же цвѣта. Вызовите м-ме Стамрон... Не забудете, м-ме Стамрон, и скажите, что это для меня. Точно такія. — И я вамъ совѣтую: таія же подвязки возьмите для вашей Лунной феи. Каждый разъ, когда вы увидите ихъ, вы будете вспоминать, что и у меня такія. Поѣзжайте сейчасъ. Я васъ жду черезъ полчаса назадъ. Мнѣ онѣ необходимы.

Онъ хотѣлъ сказать, что не затѣмъ служить чиновникомъ особыхъ порученій при ея мужѣ, чтобы ѣздить для нея за подвязками по магазинамъ, но не сказать, а только спросить.

— Прикажете передать лакею или лично завезти вамъ?

— Ну, конечно, лично, — возразила она. — Поставьте вашъ глупый портфель вотъ на это кресло и торопитесь.

VII.

Онъ сѣлъ верхомъ на дрожки, что съ завивающей въ кольцо, какъ паровая стерлядь, пристяжной подаль ему чудовищной толщины кучеръ Агаль. Онъ поѣхалъ мимо жидкихъ деревьевъ, только что посаженныхъ вдоль троттуаровъ, мимо погребковъ, кондитерскихъ, книжныхъ лавокъ, будогъ со сторожами, опирающимися на алебарды, мимо каланчей, булочныхъ и пестрыхъ рогатокъ. Надъ нимъ несли мрачный образъ очаровательнаго люцифера, — какъ огненный столбъ надъ скиніей Моисея. Было жарко, душно, — такъ располагало все къ нѣгѣ, любви, наслажденію. Царила весна. Какъ бы онъ крѣпко могъ обнять любимое существо, какой страстью напонтъ воздухъ вокругъ него, гдѣ нибудь въ соломенномъ шале. Серебристый источникъ журчалъ-бы у входа подъ навѣсомъ сирени.

Зефиры ласкали бы ихъ тѣло нѣжными прикосновеніями. А тутъ въ пыльномъ городѣ, — онъ долженъ былъ сидѣть на неудобныхъ дрожкахъ и смотрѣть черезъ лорнетъ, какъ пожарный обозъ громахъ, перерѣзывалъ его дорогу...

Въ магазинѣ онъ вызвалъ madame Стамрон. — Онъ, кажется, назвалъ ее сгарауд. Впрочемъ къ ней это больше шло, хотя она была худа и вертлява, какъ юла. Она достала съ полокъ нѣсколько картонокъ, оклеенныхъ полосатыми бумажками съ лиловыми цвѣтами, очень похожими на платье, что было на ней надѣто, и стала вынимать куски папки съ подвязками.

— О, я знаю, что надо madame Jivirizdine, — лепетала она, — я знаю. Но именно такихъ — блѣдно-розовыхъ — нѣтъ. Есть гри де-перль, зеленоватыя и палевыя. Только и осталось. И вы нигдѣ, monsieur, не найдете И сдѣлать такихъ здѣсь нельзя, потому что нѣтъ такой матеріи. Фасонъ, конечно, можно, — но чтобъ въ матеріи были та сила, та прочность, та доброта...

Она долго говорила бы, но онъ прервалъ ее:

— Мнѣ надо блѣдно-розовыя...

Она пожала плечами.

— Тогда мы выпишемъ, мосѣ, — но на это пойдетъ мѣсяца четыре.

— Мнѣ надо сегодня.

Она сдѣлала кислое лицо и развела руками.

— Я ничѣмъ не могу вамъ помочь, monsieur.

Онъ взялъ четыре пары: свѣтло-зеленыя, желтыя, гри де перль и песочныя, все, что имѣлось въ магазинѣ.

— А какъ чудесно пахнетъ подвязка м-ме Jivirizdine, — лукаво сказала французженка, нюхая привезенный образецъ. — Это тѣми духами, что она беретъ тоже у насъ.

— Я у васъ возьму и этихъ духовъ, тоже нѣсколько флаконовъ, — вдругъ сказалъ онъ.

Въ магазинѣ было такъ прохладно. Такъ пахло матеріей, картономъ, духами, мыломъ, саше. Но надо было ѣхать на-

Медаль за взятіе Іерусалима.

Въ декабрѣ истекшаго года британскія войска, предводительствуемыя ген. Алленбай, торжественно и безъ боя вступили въ священный городъ Іерусалимъ. Паденіе древней столицы Палестины завершило палестинскій походъ британскихъ войскъ. Іерусалимъ и Палестина, долгое время находившіеся подъ турецкимъ владычествомъ, отнынѣ освобождены отъ иноземнаго ига. Британское правительство возвѣстило, что оно предоставитъ эту отвоеванную область въ распоряженіе первыхъ и чуть не коренныхъ ея владѣльцевъ — евреевъ, во все время изгнанія своего лишь въ мечтахъ грезившихъ о возвращеніи въ свою обитованную страну.

Въ ознаменованіе этого событія французское правительство заказало для раздачи участникамъ палестинскаго похода первыми вступавшимъ въ Іерусалимъ, небольшое количество помѣщенныхъ здѣсь нами медалей — точное воспроизведеніе знаменитой гебраической медали Христа, найденной въ Кампо деи Фиори и считающейся самымъ древнимъ изображеніемъ Спасителя.

† Митрополитъ Кіевскій Владиміръ.

По фот. для „Огонька“

Извѣстіе о мученической кончинѣ митрополита Владиміра потрясло весь вѣрующій православный людъ Россіи.

Въ своемъ докладѣ членамъ церковнаго Собора всероссийскій патриархъ Тихонъ передаетъ со словъ лица, прѣхавшаго изъ Кіева, между прочимъ, слѣдующія подробности, предшествовавшія убійству: „Въ Кіево-Печерскую лавру явилась группа солдатъ и краснотарцевъ, которые освѣдомлялись: „Стрѣляли-ли со стѣнъ лавры изъ орудій и кто является „хозяиномъ“ лавры?“ Имъ отвѣтили, что настоятелемъ лавры является митрополитъ Владиміръ. Тогда банда вооруженныхъ и озлобленныхъ людей ввалилась въ покои митрополита, произвела тамъ кошунственный обыскъ и вывела митрополита изъ лавры неизвѣстно куда.

На слѣдующій день у стѣнъ лавры былъ найденъ изуродованный трупъ владыки. На тѣлѣ митрополита обнаружено нѣсколько огнестрѣльныхъ и штыковыхъ ранъ.

зидъ. И Модестъ не безъ удовольствія сѣлъ опять верхомъ на дрожки.

VIII.

Когда онъ развернулъ передъ Софьей Викторовной привезенное, она пришла въ негодованіе.

— Но вѣдь я вамъ сказала, что мнѣ нужны точно такія, какъ эти.

— Когда точно такихъ нѣтъ?

— Тогда не надо было брать. Можете отдать ихъ вашему Лунному сіянію. Къ брикеткамъ эти цвѣта не идутъ.

Онъ изумился.

— Развѣ подвязки тоже должны быть къ лицу или не къ лицу? — спросилъ онъ.

— О, какой вы варваръ! — съ сожалѣніемъ воскликнула она и, схвативъ одну изъ привезенныхъ имъ подвязокъ, быстро застегнула ее на ногѣ. Тутъ онъ понялъ, что искусно сдѣланные банты были сшиты наглухо, а застегивались подвязки крючками.

— Видите, какая гадость? — спросила она, отодвинувъ далеко ногу.

— Я не нахожу, — возразилъ онъ. — Мнѣ очень нравится.

Она презрительно посмотрѣла на него.

— Вы ничего не понимаете!

Но онъ сегодня былъ упоренъ.

— Нѣтъ, — стоялъ онъ на своемъ, — онѣ идутъ къ вамъ даже больше, чѣмъ прежнія. — Увѣряю васъ, мнѣ какъ мужчине онѣ нравятся, я отъ нихъ въ восторгѣ! А съ мнѣніемъ мужчины въ данномъ слу-

СОВѢТЪ НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ,

являющійся Правительствомъ Россійской Федералистической Соціалистической Республики Совѣтовъ Раб., Солд., Кр. и Каз. Депут.

1) гр. Ленинъ, Предсѣдатель
Совѣта Народныхъ Комиссаръ;
2) гр. Троцкій, Комис. по Ино-
страннымъ Дѣламъ; 3) гр. Ды-
бенко, Комиссаръ по Морск.
Дѣламъ; 4) гр. Крыленко,
Главковерхъ и Комиссаръ по
Военнымъ Дѣламъ; 5) гр. Под-
войскій, Комиссаръ по Воен-
нымъ Дѣламъ; 6) г-жа Колло-
нтай, Комиссаръ по Обществен-
ному Призрѣнію; 7) гр. Луна-
чарскій, Комиссаръ по Народ-
ному Образованію; 8) гр. Прош-
янтъ, Комиссаръ Земледѣлія; 9) гр. Штейнбергъ, Комиссаръ Народной Юстиціи; 10) гр. Бончъ-Бруевичъ, Управляющій Дѣлами Совѣта Народныхъ Комиссаровъ и Членъ Чрезвычайнаго Штаба Петроградскаго Военнаго Округа; 11) гр. Шрейдеръ, тов. Комиссара Юстиціи и Предс. Револ. Триб. по дѣламъ печати.

янтъ, Комиссаръ Земледѣлія; 9) гр. Штейнбергъ, Комиссаръ Народной Юстиціи; 10) гр. Бончъ-Бруевичъ, Управляющій Дѣлами Совѣта Народныхъ Комиссаровъ и Членъ Чрезвычайнаго Штаба Петроградскаго Военнаго Округа; 11) гр. Шрейдеръ, тов. Комиссара Юстиціи и Предс. Револ. Триб. по дѣламъ печати.

чаѣ женщина должна болѣе считаться, тѣмъ со своимъ вкусомъ.

И онъ придвинулся къ ней и, не спуская съ своей покупки взгляда, все говорилъ:

— Повѣрьте мнѣ, онъ очарователенъ...

Она точно нѣсколько смутилась и сказала совсѣмъ пониженнымъ тономъ:

— Вотъ ужъ никакъ не думала...

IX.

Модестъ не попалъ въ этотъ день къ невѣстѣ. Онъ объявилъ у Живириздичныхъ, а потомъ въ кабинетъ Кипріяна Асафовича готовить для доклада нужныя бумаги. Послѣзавтра была назначена его свадьба, ему будетъ некогда, — такъ онъ торопился покончить съ дѣлами министерства теперь. Вдобавокъ Кипріяну Асафовичу, вернувшись изъ сената, сказали:

— Поздравляю, ты получилъ назначеніе при Голицыныхъ. Конечно, ты останешься для личныхъ занятій у меня. И я, и жена тебя такъ любимъ. Старайся, старайся, другъ мой, и впредь.

Флаконы съ духами Модестъ не отдалъ Софьѣ Викторовнѣ. Онъ рѣшилъ подарить ихъ Эльзѣ. «Завтра, наканунѣ свадьбы, а, можетъ быть, и сегодня я отдамъ

Брестская мирная делегация отъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ.

Сидятъ слѣва направо: гр. Каменевъ, Иоффе и Виценко. Стоятъ: гр. Линскій, Стучка, Троцкий и Караханъ.

Ведшіеся въ Брестѣ переговоры о мирѣ съ центральными державами не дали желательныхъ Россіи результатовъ и были прерваны стоявшимъ во главѣ делегации комиссаромъ по иностраннымъ дѣламъ гр. Троцкимъ, объявившимъ, что Россія выходитъ изъ войны, не подписывая аннексіонистскаго мирнаго договора.

При такомъ неопредѣленномъ положеніи и при объявленной официально демобилизаціи русскихъ войскъ началось новое наступленіе германцевъ и послѣдовалъ ихъ ультиматумъ съ тѣми условіями, на которыя въ Брестѣ делегация совѣта комиссаровъ не соглашалась.

ей. Лучше, если она привыкнетъ къ этому запаху. И удобнѣе такъ будетъ».

Онъ послалъ тещѣ записку. Невѣстѣ онъ не смѣлъ писать: это было бы слишкомъ интимно. Онъ писалъ, что, можетъ быть, заѣдетъ сегодня, но по-позже, попозже: очень занятъ.

А черный демонъ, полулежа на кушеткѣ, скрестивъ ноги въ ажурныхъ чулочкахъ и въ золотыхъ туфелькахъ, говорилъ:

— Смотри, чтобъ твоя Эльза не разбухла, какъ всѣ нѣмки къ тридцати годамъ. У нѣмокъ и голландокъ щеки краснѣютъ, точно натерты свеклой. И не позволяй ей ходить съ утра непричесаной. Какъ встанетъ, чтобъ сейчасъ же причесывалась. Слышишь? И отдай ей зеленныя подвязки. Она будетъ думать, что это очень хорошо. Серьезно, это я затѣмъ хочу, чтобъ ты чаще вспоминалъ меня.

Она погладила его по головѣ. Когда пробило десять, онъ собрался было ѣхать, она сказала:

— Успѣешь. Я велѣла сегодня не принимать Носокина. Вѣдь это чего нибудь да стоитъ.

X.

Модестъ ѣхалъ въ Шестилавоchnую и соображалъ.

— Я еще не женатъ. Значитъ, я Эльзѣ не измѣнилъ. Измѣнить можно женѣ, а она мнѣ не жена. И подвязки ей я не могу дарить теперь. Развѣ черезъ Иду? Эльза была заплакана. Она ждала Модеста цѣлый день, — онъ обѣщалъ и не пріѣхалъ. Отецъ увѣрялъ, что онъ справляетъ «мальчишникъ».

— Нельзя-же, — говорилъ баронъ: — онъ раскланивается со своей юной сво-

Отрядъ вновь формируемой красной социалистической арміи.

По фотографіи для „Огонька“

Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ и Ц. И. К. Совѣтъ въ 7 ч. 30 м. утра 24-го февраля приняли всѣ ультимативно предложенныя германскимъ правительствомъ тяжкія условія сепаратнаго мира. Делегаты Смольнаго отправились въ Брестъ для подписанія

договора, но германцы, взявъ Псковъ, Ревель и др. мѣста, продолжаютъ наступленіе, не признавая перемирія до момента заключенія мира. Въ Петроградѣ объявлена война для защиты социалистическаго отечества и власти совѣтовъ.

Въ формирующуюся добровольческую красную социалистическую армію записываются рабочіе и солдаты и направляются частями для защиты подступовъ къ Петрограду. Интеллигенція (такъ называемая буржуазія) принудительно призывается для рытья окоповъ.

† Ген. Янушкевичъ, начальник штаба 6. верховнаго главнокомандующаго в. в. Николая Николаевича, убитый въ поѣздѣ по дорогѣ въ Петроградъ.

По фотографіи для „Огонька“.

Арестованный недалеко отъ Кіева ген. Янушкевичъ въ сопровожденіи красногвардейца былъ препровожденъ въ Петроградъ, гдѣ намѣревались предать его военно-революціонному суду. Недалеко отъ Петрограда ген. Янушкевичъ былъ убитъ наповаль своимъ конвоиромъ.

бодой. Онъ накладываетъ на себя ярмо супружества и опутываетъ цѣпями. Долженъ же онъ въ послѣдній разъ передъ тюрмою насладиться свободой.

— Боже, Боже, — что ты говоришь! — возмущалась Ида. — Посмотри на нашего бѣднаго ребенка: онъ плачетъ навзрыдь.

— Этотъ бѣдный ребенокъ, — бормоталъ баронъ, — отплатитъ тебѣ тѣмъ, что еще въ концѣ года ты будешь бабушкой.

Эльза кинулась прочь, упала на свое дѣвственное ложе и плакала, горько, горько...

Наконецъ, онъ пріѣхалъ. Она не хотѣла къ нему выходить. Мать вошла въ ея спальню сіяющая.

— Посмотри, какіе чудесные два флакона духовъ онъ привезъ тебѣ. И потомъ эти воздушныя подвязки. Онъ говоритъ, что видѣлъ, какъ въ парижскомъ магазинѣ брала такія себѣ жена французскаго посла. Ты должна надѣть ихъ въ день свадьбы. Онъ усталъ истомленъ хлопотами. И все таки пріѣхалъ. Какъ онъ тебя любитъ, какъ любитъ!

Эльза растерла духи на ладони, подушила ими на груди, шею. Потомъ она вышла къ Модесту.

— Гадкій! — сказала она. — За что ты забылъ сегодня твою маленькую Эльзу? Она такъ тебя любитъ!

Отъ Эльзы такъ-же пахло, какъ и отъ Софьи, и у него такъ-же кружилась голова. Неужели Эльза къ тридцати годамъ растолстѣетъ, и щеки у нея будутъ такія-же, какъ у матери?

Но пока она была такъ свѣжа и прекрасна, какъ весенній ландышъ. Софья напоминала распутившуюся розу, а Эльза была первая весенняя фіалка.

Онъ былъ счастливъ, что такое очаровательное существо дѣлалось его женой.

Онъ прильнулъ губами къ ея губамъ и, какъ всегда пишутъ во всѣхъ романахъ, — «они слились въ жгучемъ поцѣлуѣ». Онъ былъ такъ истомленъ перепетіями этого дня, но онъ такъ любилъ ее...

П. Гнѣдичъ.

Б. турецкій султанъ Абдулъ-Гамидъ, недавно скончавшійся въ заточеніи, гдѣ находился послѣ сверженія младотурецкой революціей.

* * *

Въ душѣ моей — хаосъ... Слился воедино
Созвучья райскаго и звуки ада въ ней...
Въ ней жалкій вопль раба, и голосъ
властелина...

И кроткій звукъ молитвы, и грозный ревъ
страстей...

Въ душѣ моей — борьба... съ могучею
любовью

Въ ней ненависть великая живетъ.
Она, пожаръ любви заливъ пытаясь кровью,
Желѣзными когнями сердце рветъ.

Ихъ бой кипитъ... Пожаръ любви
бушуетъ...

Прекрасныя слова огонь его родитъ.
Душа моя свѣтла... Душа моя ликуетъ.
Душа моя мрачна... Душа моя болитъ.

Анатолій Ивановъ-Рудинъ.

Жертвы звѣрскаго самоеуда.

По фотографіямъ для „Огонька“ Я. Штейнберга.

Члены Учредительнаго Собранія Ф. Ф. Кокоскинъ и А. И. Шингаревъ на смертномъ одрѣ.

Гнусное, кошмарное убійство, совершенное въ ночь на 7-ое января въ палатѣ Маринской больницы, произвело потрясающее впечатлѣніе не только на друзей и единомышленниковъ несчастныхъ жертвъ звѣрскаго насилія, не только на идейныхъ противниковъ предательски убитыхъ, но и на наиболѣе темную бессознательную массу, которая инстинктивно ощутила весь ужасъ свершившагося...

Вечеромъ 6 января изъ Петропавловской крѣпости, гдѣ они, вмѣстѣ съ остальными членами Временнаго правительства, томились со дня октябрьскаго переворота, А. И. Шингаревъ и Ф. Ф. Кокоскинъ, признанные комиссіей врачей съ участіемъ представителей большевистской власти нуждающимися въ серьезномъ клиническомъ лѣченіи, были доставлены въ Маринскую больницу.

Около часу ночи, якобы для смѣны красногвар-

дейска о караула, въ больницу ворвалось около 12 человекъ — матросовъ, солдатъ и красногвардейцевъ, вооруженныхъ винтовками и револьверами.

Скоро изъ палаты, гдѣ находились Шингаревъ и Кокоскинъ, раздались одинъ за другимъ нѣсколько выстрѣловъ.

Убійцы хладнокровно свершили свое гнусное дѣло надъ безоружными, больными узниками.

Въ Ф. Ф. Кокоскина было произведено нѣсколько выстрѣловъ въ ротъ и въ область сердца. А. И. Шингаревъ, истекавшій кровью, тяжело стоналъ, когда на звуки выстрѣловъ сбѣжалась больничная прислуга.

Къ утру не стало и А. И. Шингарева, одного изъ наиболѣе видныхъ представителей русской интеллигенціи, наиболѣе ярко и полно отражавшаго лучшія стороны ея, лучшія стремленія.

А. И. Шингаревъ былъ идеальнымъ воплощеніемъ, такъ называемаго, „третьяго земскаго элемента“, тѣмъ, глубоко преданнымъ народу земскихъ труженниковъ, которые самоотверженно несли свѣтъ и помощь въ нишія деревенскія хаты. Ф. Ф. Кокоскинъ былъ однимъ изъ талантливейшихъ и продуктивнѣйшихъ ученыхъ юристовъ.

Въ ночь на 7-ое января въ кровавый синодикъ русской свободы вписаны два новыхъ имени, два новыхъ мученика, память о которыхъ не исчезнетъ, пока будетъ жива русская передовая интеллигенція, пока будетъ жива русская общественность.

Мученичество въ самомъ чистомъ видѣ окружаютъ своимъ ореоломъ предательски убитыхъ Шингарева и Кокоскина.

Поэту.

Никто не видит царственных жемчужинъ,

Таящихся на днѣ.

Смирись, поэтъ. Ты никому не нуженъ.

Сгорай въ своемъ огнѣ.

Никто не слышитъ звѣздъ, поющихъ въ небѣ

О сумрачной землѣ.

Какъ жребій звѣздъ и твой пустынный жребій!

Свѣти и пой во мглѣ.

Завѣтной боли, скрытаго пожара,—

Не заглушить морозъ,

Не омрачить таинственнаго дара

Безсмертно свѣтлыхъ грезъ...

Пусть жизнь проходитъ съ гнѣвомъ и участием...

Таи безцѣльный свѣтъ.

И счастливъ будь своимъ волшебнымъ счастьемъ,

Властительный поэтъ!

Яковъ Годинъ.

благозвучныя, корректныя наименованія, какъ-то: «Собраніе вдумчивыхъ музыкантовъ», «Общество интеллигентныхъ тружениковъ», «Отдыхъ Проплюйскаго района» и т. п. Кромѣ карточной игры, ничѣмъ не занимались въ этихъ притонахъ. Каждый, кто хотѣлъ, могъ придти съ улицы и за 10—15 рублей получить членскій билетъ. Публика была самая сборная: чиновники, студенты, мародеры, мастеровые, торговцы, шуллера, профессиональные игроки и невѣроятное количество солдатъ, располагавшихъ, подчасъ, невѣдомо откуда, довольно большими деньгами.

Когда Юнгъ началъ играть, у него было около сорока тысячъ, вырученныхъ сверхъ закладной. Крайне нервный и жадный къ впечатлѣніямъ, онъ отдавался игрѣ всемъ существомъ, входя не только въ волнующую остроту данныхъ или же битыхъ картъ, но и въ весь строй игорной ночной жизни. Онъ настолько позналъ ее, что уже не отдѣлялъ ее отъ игры; ея наглядность и размысленія о ней какъ бы сдв-

безнравственности, нѣчто животное въ деньгамъ, въ силу чего онѣ приобрѣтали вѣскій, жизненный вкусъ, разжигая аппетиты и дѣлаясь оттого желанными, какъ голодному кушанье.

Во всѣхъ петроградскихъ клубахъ игра шла, главнымъ образомъ, въ «макао»,—старинная португальская игра, нѣсколько видоизмѣненная временемъ.

Въ недѣлю Юнгъ изучилъ быть «Престарѣлыхъ мучениковъ». Шуллеровъ, въ прямомъ, артистическомъ значеніи этого слова, здѣсь не было, отчасти потому, что карты при сдачѣ вкладывались въ особую машинку, мѣшающую передернуть или сдѣлать накладку (лишняя, затаянная въ рукавѣ, подобранная сдача на одну или нѣсколько игръ), а болѣе всего по причинѣ множества клубовъ и большого выбора поэтому аренъ шуллерскихъ доблестей. Кромѣ того, богатые притоны, съ цѣлью развитія игры, перебивали другъ у друга извѣстныхъ шуллеровъ на гастроли, дабы тѣ заставили говорить о случившемся въ такомъ

Законодательный Совѣтъ Морского Вѣдомства.

По фотографіи для „Огонька“ Я. Штейнберга.

Россійскій военный флотъ подвергся такой же коренной реформѣ, какъ и всѣ остальные государственныя и общественныя организаціи Россіи. Составъ флота формируется изъ добровольцевъ, получающихъ хо-

рошее жалованье и связанныхъ личными договорными обязательствами. Прежнему адмиралтействъ-совѣту, гдѣ заседали престарѣлые, умудренные опытомъ адмиралы, приблизительно соответствуетъ изображенный

на нашемъ снимкѣ составленный изъ моряковъ (по прежнему наименованію—матросовъ) законодательный совѣтъ. По большей части—это юные представители молодого краснаго социалистическаго флота.

КЛУБНЫЙ АРАПЪ

Разсказъ А. С. ГРИНА.

I.

Нѣкто Юнгъ, продавъ домъ въ Казани, переселился въ Петроградъ. Онъ былъ холостъ. Скучая безъ знакомыхъ въ большомъ городѣ, Юнгъ первое время усиленно посѣщалъ театры, а потомъ, записавшись членомъ въ игорный клубъ «Общество престарѣлыхъ мучениковъ», пристрастился къ карточной игрѣ и каждый день являлся въ свой номеръ гостиницы лишь поутру, не раньше семи.

Никогда еще азартъ не развивался такъ сильно въ Петроградѣ. Къ осени 1917 года въ Петроградѣ образовалось свыше пятидесяти игорныхъ притоновъ, носившихъ

бравали сухое волненіе азарта и часто сглаживали мучительность проигрыша, развлекалъ своей мошеннической, живой сущностью. Не будь этой игорной кулисы, играй Юнгъ въ клубѣ старинномъ, чопорномъ, гдѣ «шокингъ» не идетъ дальше пропавшаго карточного долга, пули въ лобъ или же—верхъ несчастья—уличенія опростоволосившагося эlegantнаго шуллера, Юнгъ, можетъ быть, бросилъ бы скоро игру. Будучи чужимъ клубной публикѣ, входя только въ игру, съ ея липемѣрной церемонностью сдерживаемыхъ хорошаго тона ради страстей, онъ, быстро утомленный, пресыщенный бы однообразнымъ прыганьемъ очковъ въ раскрываемыхъ картахъ. А въ «Обществѣ престарѣлыхъ мучениковъ» его заражалъ азартъ и удерживалъ именно этотъ густой, крѣпкій запахъ жадной

то мѣстѣ крупномъ выигрышѣ и проигрышѣ. Ради рекламы не останавливались даже передъ тѣмъ, чтобы дать Х—су крупный кушъ, специально для «раздачи», какъ называется упорное «незевенье» банкромета.

«Престарѣлые мученики» наполнялись самой сборной публикой. Тутъ можно было встрѣтить сюртукъ литератора, пошлую толщину часовую цѣпочку мясника или краснотоварца, галуны моряка, кожанъ, а то и косоворотку рабочаго, офицерскіе погоны и солдатскіе мундиры,—безъ погонъ, по послѣдней модѣ. Поражало количество денегъ у солдатъ и рабочихъ. Это были, едва-ли, не самыя крупныя, по азарту и деньгамъ, игроки почтеннаго учрежденія.

Какъ сказано, прямого шуллерства не было, но существовало «арапниче-

«Крепкие нервы», необходимые при вое к победе, сохранились у наших до последних союзников — французов. Свойственная им жизнерадостность и темпераментность во все время нынешней страшной войны

поддерживают бодрость духа в нашей, с эпохи Великой Революции, являющейся мировым светочем. Отличительное свойство французов, любовь к красоте и воплощающей ее женщине, вылилось во время

войны в новые формы. Журналисты пестрят объявлениями о поисках «крестных матерей», которые своими письмами скрасили бы тяжелые скучные досуги борцов за родину и за мир всего мира. Иллюстри-

рованные журналы полны рисунков, изображающих ожиданий, радостных встреч и прощаний отлученных. Воспроизводят из «La Vie Parisienne» типичную для французских настроений картинку.

ство», среднее въ сути своей между попрошайничествомъ и мошенничествомъ. Объ этомъ, однако, послѣ.

II.

Юнгъ, на первыхъ порахъ, выигрывалъ. Пословица — «Новичкамъ везетъ» — права, можетъ быть, по тому, что новичекъ инстинктивно приравнивается къ единственному закону игры — случайности, онъ ставитъ, гдѣ попало и какъ попало; прибавьте къ этому, что новичекъ большею частью затесывается въ клубъ случайно; такимъ образомъ, соединеніе трехъ случайностей увеличиваетъ шансы на выигрышъ, совершенно такъ же, какъ выполнение сразу трехъ намѣреній рѣдко увеличивается успѣхомъ. Позже, присмотрѣвшись, какъ играютъ другіе, и возмнивъ, что научился расчету въ томъ, какъ и гдѣ ставить (вещь нелѣпая), игрокъ закрываетъ глаза на то, что онъ уже борется съ закономъ случайности и борется во вредъ себѣ, такъ какъ естественно въ этомъ случаѣ изнуреніе нервовъ, ведущее къ растерянности и безволю. Неизвѣстно, какъ лежатъ карты въ колодѣ. Думать, что ты угадалъ, на какое табло вотъ теперь слѣдуетъ ставить и въ какую очередь, — значитъ думать, что знаешь. Но карты издѣваются надъ такой притязательностью. Есть, правда, небольшое число людей съ особо-тонко развитой интуиціей въ смыслѣ угадыванія, но выигрывать всегда людямъ этимъ мѣшаетъ ихъ же недоверіе къ интуиціи; зачастую: усумнившись въ внутреннемъ голосѣ, ставятъ они на другое, чѣмъ показалось, табло и, думая, что обманули судьбу, дуютъ потомъ на пальцы.

Пока Юнгъ отдѣлывался только замѣраніемъ сердца, ставя куда попало и мечая отвѣты безъ учитыванія жира и девятки, ему везло. Каждый вечеръ уходилъ онъ съ сотнями и тысячами рублей выигрыша. Нужно отмѣтить, что уйти съ выигрышемъ — вещь несомненно трудная. Выигрывающій обыкновенно назначаетъ себѣ предѣльную сумму, съ которой, доигравъ ее, и рѣшаетъ уйти. Если ему везетъ дальше, — изъ жадности

мечтаетъ онъ уже о высшей предѣльной суммѣ и, не добившись, естественно, предѣла въ безпредѣльности, начинаетъ въ нѣкій моментъ спускать деньги обратно. Желанія теперь суживаются, становятся все кургузѣе и молитвеннѣе. Вотъ игрокъ мечтаетъ уже о томъ, чтобы достигъ снова бывшей кульминаціонной точки уплывающей суммы. Вотъ онъ говоритъ: — «Проиграю еще не больше, какъ столько-то, и уйду». Вотъ онъ проигралъ весь выигрышъ и блѣдный, съ потухшимъ взоромъ, ставитъ опять свои деньги. Не везетъ! Онъ, торопясь въ рай, ставитъ большіе куши, удваиваетъ ихъ и остается, на-

ихъ. Ударъ былъ ошутителенъ; желаніе возратить проигранное выразилось, въ силу возникшаго недоверія къ своей «меткѣ», тѣмъ, что Юнгъ началъ давать деньги въ банкъ и на отвѣтъ другимъ игрокамъ, бойкость и опытность которыхъ казались ему достаточной гарантіей успѣха. Лица эти, играя для него, но болѣе (если имъ рѣшительно не везло) для многочисленныхъ своихъ пріятелей, ставившихъ, въ такихъ случаяхъ, весьма усердно и крупно, не дали, какъ въ недѣлю лишили его трехъ четвертей собственныхъ денегъ. Иногда незамѣтно платили они за ставки больше, чѣмъ слѣдуетъ, а затѣмъ дѣлились съ получающимъ разницей.

Иногда, послѣ того, какъ карты были уже открыты, на то табло, гдѣ сіяли выигравшіе очки, ловко подсовывалась крупная бумажка, и за нее получалось. Иногда банкометъ, смѣшавъ, какъ бы нарочно, юнговыя деньги со своими, раздѣлялъ ихъ затѣмъ не безъ выгоды для себя и клялся, что поступилъ правильно. Съ помощью такихъ нехитрыхъ приѣмовъ, бывшихъ обычными среди посятителей «Общества престарѣлыхъ мучениковъ», — карточные проходы привели Юнга въ состояніе полной растерянности и нерѣшительности. Оставшись съ небольшой суммой, онъ то ставилъ мало, когда счастье, казалось, подмигивало ему, то много, когда опредѣленно билась карта за картой, и вскорѣ, дойдя до придумыванія безпроигрышныхъ «системъ», — худшее, что можетъ постигнуть игрока, — кончилъ онъ тѣмъ, что остался съ двадцатью —

РАЗГРОМЪ ВИННАГО ПОГРЕВА ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Рисунокъ для „Огонька“ худ. О. АРБИНА.

конецъ, съ мелочью на трамвай или извозчика, но часто лишенный и этого занимаетъ у швейцара цѣлковый.

Юнгу везло, и около мѣсяца, счастливо закладывая банки, мечая удачные отвѣты или понтируя, купался онъ въ десяткахъ тысячъ рублей, привыкнувъ даже, когда игралъ, смотрѣть на нихъ не какъ на деньги, а какъ на подобіе игорныхъ марокъ, — нѣкое техническое приспособленіе для расчета. Но счастье, наконецъ, повернулось къ нему спиною. Проигравъ однажды пять тысячъ, онъ пріѣхалъ на другой день съ пятнадцатью и къ закрытію клуба совершенно разсори-

тридцатью рублями, напился и въ клубѣ появился снова черезъ дней пять, подавленный, измученный, безъ всякихъ опредѣленныхъ плановъ, съ одной лишь жаждой — играть, играть во что бы то ни стало, быть въ аду вѣчной жажды, — ожидать случая, толпиться и вздрагивать, сосчитывая слѣпыя очки.

Переходъ отъ воздержности къ запойной игрѣ, а отъ послѣдней къ «арапничеству» совершается незамѣтно, какъ все то, гдѣ главное дѣйствующее лицо — страсть. Окончательно проигравшись или же ставъ въ положеніе, при которомъ вообще неоткуда достать своихъ де-

Петроградъ въ эти дни.

Фотографіи П. Оцуа по порученію „Огонька“.

Бывшіе офицеры за колкой и уборкой дровъ.

негъ, игрокъ начинаетъ, обыкновенно, собирать долги. Тотъ ему долженъ, тотъ и тотъ. Суммы эти служатъ нѣкоторое время, игра для такого человѣка сдѣлалась страстью; ея зудъ прочно завязъ въ душѣ, подобно раздраженію десенъ, когда ненасытно жуютъ варъ или грызутъ сѣмячки. Но, вотъ, истребованы, выклянчены и проиграны всѣ долговые суммы. Возможно, что въ этомъ періодѣ были моменты относительной удачи, — тѣмъ хуже. Игрокъ смотритъ уже на нихъ какъ на чужія, даромъ доставшіяся деньги. Истрепанные нервы требуютъ олушенія. Онъ пьетъ, развратничаетъ, играетъ, не соображая ставокъ пропорціонально наличности, и въ скорости начинаетъ занимать самъ. Сначала ему даютъ, затѣмъ — морщатся, ссылаясь на собственный проигрышъ, затѣмъ, съ ругательствами, издѣвкой или скуленіемъ отбиваютъ охоту вообще просить денегъ взаймы. Всѣ постоянные посѣтителі знаютъ и его, и его привычки, даже тотъ, соединенный неписаннымъ уставомъ кружокъ «араповъ», къ которому онъ уже принадлежитъ, но, большей частью, не знаютъ ни его жизни, ни имени, ни фамиліи. Такова странность всепоглощающихъ интересы занятій! Налицо здѣсь лишь зрительная фигура; фигура внутренняя менѣе значить для этого общества, чѣмъ «жиръ» въ картахъ.

Когда, такъ называемая нравственная стойкость достаточно потускнѣла; когда всю жизнь замѣнила и высосала игра, а задерживающіе центры перестаютъ обращать вниманіе на такіе пустяки,

какъ униженіе и обида, арапъ готовъ. Онъ сдѣланъ изъ попрошайничества, умѣнья словить моментъ, шутовства, назойливости и мелкаго мошенничества. Научившись быстро вести расчетъ по всей сложности и учету ставокъ, онъ, какъ настоящій крупье, за 10 проц. помогаетъ любому, желающему метать отвѣтъ, но медленному цифровымъ соображеніемъ. Геройски распоряжается онъ чужими деньгами; выхватываетъ ихъ изъ рукъ банкюмета или изъ-подъ его носа; кричитъ: — «Сойдите!» — «Швали ушли!», — «Крылья полностью!» —

«Какія слова!» (загнутый уголь бумажки, обозначающій меньшую, чѣмъ ассигнація, ставку), — «Комплектъ!» — «Кушъ платить!» — «Дѣлайте вашу игру!», и все другое, подобное, штампованныя выраженія выигрыша, проигрыша и ожиданія. Онъ способствуетъ закладу часовъ и колець карточнику или швейцару. Отъ достаетъ водку. Онъ даетъ «на счастье» рубль въ банкъ и бываетъ, въ случаѣ выигрыша, необыкновенно привязчивъ. Онъ подбрасываетъ на выигравшее табло лишнія деньги. Онъ привозитъ богатыхъ и пьяныхъ игроковъ. Онъ пытается изъ-подъ локтя собственника стянуть деньги и, если это замѣчается, говорить, что хотѣлъ поправить ихъ, онѣ, молъ, намѣревались упасть на полъ. Въ такихъ клубахъ легко смотреть на обнаруженное похищеніе смощенничать или украсть. Никогда дѣло не вызываетъ скандала. Въ худшемъ случаѣ — короткій гвалтъ, въ лучшемъ — гнѣвный взоръ и угроза трясеніемъ пальца.

Постоянно играющіе должны быть всегда въ проигрышѣ. Расчетъ ихъ таковъ: клубъ въ видѣ платы за мѣста, за закладываніе банковъ и штрафовъ (за игру позже извѣстнаго часа) собираетъ въ день, въ среднемъ — двѣ тысячи. Общая сумма денегъ, пускаемыхъ въ игру (сообразно процентнымъ отчисленіямъ съ «отвѣтовъ» и банковъ) — сто тысячъ. Черезъ мѣсяцъ и двадцать дней эти сто тысячъ цѣликомъ переходятъ въ клубную кассу.

Юнгъ сталъ арапомъ.

III.

Ему не повезло. Когда онъ отошелъ отъ стола, — денегъ совсѣмъ не было.

Трясаясь, шаря по карманамъ и часто мигая, какъ ослѣпленный облакомъ пыли, Юнгъ старался припомнить порядокъ, въ какомъ произошло несчастье, но ощущалъ лишь безсиліе и тоску. Глубокое отвращеніе къ себѣ, къ игрѣ, къ жизни — овладѣло имъ. Не зная, что дѣлать, онъ крикнулъ, какъ сумасшед-

Петроградъ въ эти дни.

Легковой извозчикъ — присяжный повѣренный.

Бывшій генералъ продаетъ газеты.

шій, въ отчаяніи:—«Покрѣпить банк!».. У стола, гдѣ давалось сорокъ рублей, банкъ выигралъ.

— Будетъ за мной!—глухо сказалъ Юнгъ.

Поднялся отвратительный шумъ. Кто-то изъ выигравшихъ, внимательно посмотрѣвъ на Юнга, внесъ сорокъ рублей.

— Въ банкъ восемьдесятъ!—сказалъ утихомирившійся банкометъ.—Пріемъ на первое!

IV.

Юнгъ прошелъ въ читальню, взялъ номеръ сатирическаго журнала, повертѣлъ его, бросилъ и сѣлъ въ кресло. Глухая подавленность отчаянія держала его внѣ мѣста и времени.

— Что же дѣлать?—сказалъ онъ себѣ.—Теперь—крышка. Одно остается: броситься съ моста въ воду.—Онъ построилъ это, какъ фразу, но, повторивъ еще разъ, проникъ, наконецъ, въ смыслъ сказаннаго и понялъ, что броситься съ моста въ воду—значитъ умереть. Рѣшимость покончить самоубійствомъ приходитъ даже у самыхъ меланхолическихъ натуръ внезапно. Можно приготовить къ этому въ двадцать лѣтъ и все же дожидаться внуковъ; можно, наоборотъ, никогда не думать серьезно о самоубійствѣ и, вдругъ почувствовавъ жизнь нестерпимо омерзительной, кинуться, какъ къ отдыху, къ смерти. Такое непродуманное, но уже тоскливо влекущее, рѣшеніе вдругъ оживило Юнга. Въ новомъ, непривычномъ состояніи безымяннаго трепета поднялся онъ съ кресла, но, въ это мгновеніе случайно взглядъ его упалъ

босая, обнаженная до колѣнъ, напрягающаяся неудобствомъ положенія, крѣпкія ноги женщины. Ея лицо удивило его. Внѣ аппарата— оно было застывшимъ, съ тѣмъ самымъ неестественнымъ выраженіемъ, какое свойственно человѣку, снимаемому фотографомъ, а теперь улыбалось.

Тяжелое чувство, предвидѣніе необычайнаго, родственное тягости предъ припадкомъ или въ ожиданіи мрачнаго извѣстія, овладѣло имъ. Онъ быстро опустил аппаратъ и вздрогнулъ, какъ отъ внезапной струи холода, замѣтивъ, что, когда глаза уже разставались съ изображеніемъ, — женщина качнула ногой, словно собираясь покинуть бревно и сойти на землю.

— Дико—сказалъ онъ, морщась и прикладывая руку къ томителю бющему сердцу.— Неужели сумасшествіе — начало

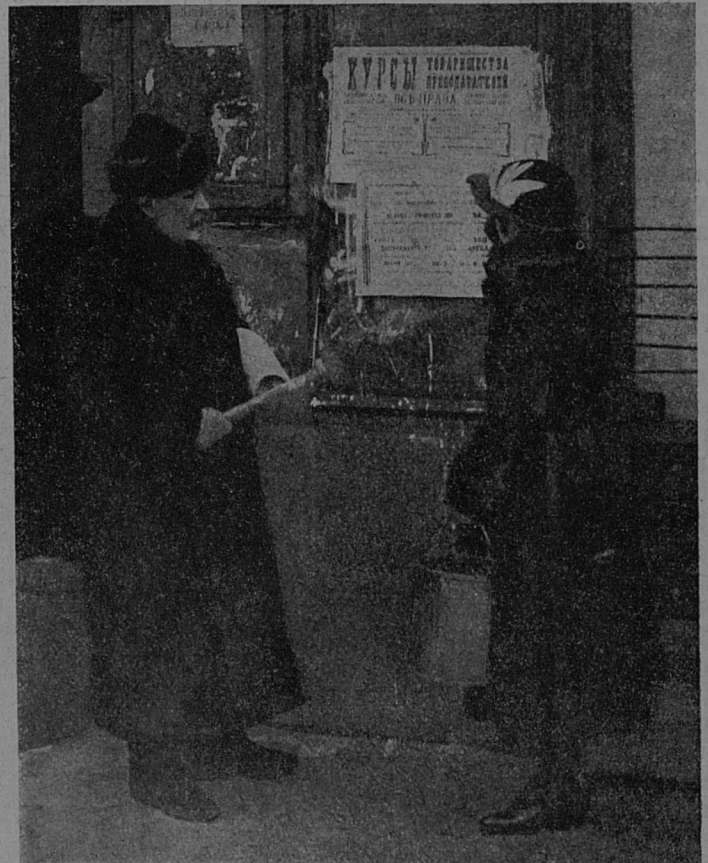
на одну изъ картинокъ стереоскопа, разсыпанныхъ на столѣ. Картинка изображала женщину, сидящую верхомъ на концѣ бревна, выдающемся съ озера на берега надъ водой.

Юнгъ взялъ картинку. Болѣзненное желаніе увидѣть передъ концомъ воду, такую же воду, какая должна была въ скорости сомкнуться надъ нимъ, заставило его установить изображеніе въ стереоскопъ и поднести аппаратъ къ глазамъ. Сначала освѣщенное электричествомъ изображение оставалось плоскимъ, но скоро, уступая напряженію взгляда, выявилось понемногу перспективу и жизненность трехъ измѣреній. Юнгъ увидѣлъ большое лѣсное озеро, тѣнь въ немъ отъ бревна и

его? — подумалъ Юнгъ. Тревога его не проходила, а нарастала, подобно приближающемуся барабанному бою. Онъ оглянулся, переживая странное электризирующее ощущеніе, подобное воображенному, конечно,—тому, какъ, если бы всѣ предметы ожили, сошли съ мѣстъ, а затѣмъ мгновенно размѣстились въ прежнемъ порядкѣ, съ быстротою частицъ ртути, влѣскивающихъ взаимно.

Противъ него въ пустомъ ранѣе того креслѣ сидѣла смуглая молодая женщина, — та самая, на которую въ стереоскопѣ смотрѣлъ Юнгъ. Ея черныя, ровныя, какъ шнурки, брови были высоко поставлены надъ смѣлыми, большими глазами, блистающими того рода жуткой одухотворенностью, какая свойственна стариннымъ портретамъ въ колеблющемся и невѣрномъ свѣтѣ. Отъ платья и фигуры ея вѣяло разрушеніемъ дѣйствительности. То, что испытывалъ Юнгъ въ теченіе этого замѣчательнаго свиданія, никакъ не можетъ быть названо страхомъ. Начало сверхъестественнаго лежитъ въ насъ и выявленное тайными силами, противу всяческихъ ожиданій потрясающаго недоумѣнія страха, вводитъ лишь, правда, не безъ сильнаго возбужденія — въ привычную область вѣры фактамъ. Чтобы понять это, достаточно представить ощущеніе человѣка, впервые попадающаго подъ выстрѣлы или претерпѣвающаго крушеніе поѣзда. Контрастъ факта разителенъ съ обыденностью предстоящаго факта и, однако, что бы ни толковали люди логической психологій, — не страхъ сопутствуетъ указан-

Петроградъ въ эти дни.

Бывшій прокуроръ съ родственницей курсисткой зарабатываютъ пропитаніе расклейкой афишъ.

нымъ фактамъ. Оцѣпенѣніе возбужденія, — вотъ, пожалуй, приблизительно вѣрная оцѣнка переживаній. Что стрѣляютъ въ тебя, — этому, пока оно не случилось, такъ же трудно повѣрить, какъ явленію демона.

— Это что? — спросилъ, тяжело дыша, Юнгъ.

Въ гостиницѣ, кромѣ него и неизвѣстной дамы, никого не было.

— Слушайте внимательно, — сказала женщина, наклонясь черезъ столъ къ Юнгу. — Сегодня 23-е число, день, въ который я выхожу изъ тумана. Больше вы меня не увидите. Я предлагаю вамъ новую, чудную по результатамъ игру, которая при удачѣ, утысячеритъ всякое счастье, при неудачѣ магически усилитъ несчастье. Это — игра на время. Посмотрите колоду. Возьмите ее себѣ. У насъ она называется Шеесъ-Магоръ, что значитъ — потерянная и возвращенная жизнь.

Юнгъ взялъ колоду. Въ ней, какъ и въ обыкновенной игральной, было пятьдесятъ два четырехугольных, но квадратныхъ, лоскутка, сдѣланныхъ изъ неизвѣстнаго матеріала, чернаго и твердаго, какъ желѣзо, тонкаго, какъ батистъ, шелковистаго на ощупь, слегка просвѣсвѣчивающаго и легкаго. До крайности странны были фигуры, разрисованныя отъ руки, какъ и всѣ остальные карты, красной и бѣлой красками. Очки пикъ были изображены въ видѣ короткихъ

стрѣлъ; трефы — трилистниковъ; бубны — красныхъ четырехугольных цвѣтовъ; черви — сердецъ, сжатыхъ рукой. Тяжелая, гротескная узорность фигуръ таила въ себѣ нѣчто идольское, древнее и потустороннее.

— Играйте съ любимымъ, съ кѣмъ хотите, — продолжала дарительница, когда Юнгъ поднялъ глаза, весь во власти открывающейся предъ нимъ бездны. — Вамъ предоставлено ставить, въ какую хотите азартную игру любое количество лѣтъ, мѣсяцевъ, дней, часовъ и даже, минутъ. Битая ставка переноситъ васъ въ будущее, на ставленный интервалъ времени, ставка выигранная — отдаляетъ въ прошлое.

Послѣднія слова женщины звучали глухо и отдаленно. Договоривъ, она исчезла — не расплылась, не растаяла, а именно, исчезла, какъ въ смѣнѣ кинематографическихъ сценъ. Юнгъ вскопчилъ, уронилъ газету и, весь трясаясь еще отъ волненія, нагнулся, собирая карты. Не поднимая головы, онъ увидѣлъ, что возлѣ его рукъ, движутся, дѣлая, что и онъ — еще двѣ руки. Пальцы ихъ были покрыты крупными золотыми кольцами.

Юнгъ посмотрѣлъ выше. Передъ нимъ на корточкахъ сидѣлъ, помогая собирать, крайне удивленный видомъ картъ, извѣстный игрокъ Бронштейнъ, — сложная разновидность Джека Гамлина въ русскихъ условіяхъ. Круглый, съ неболь-

шимъ брюшкомъ, если не всегда веселый, то неизмѣнно оживленный человѣкъ этотъ сказалъ:

— Турецкія?

— Нѣтъ, — машинально отвѣтилъ Юнгъ.

— Греческія?

— Нѣтъ...

— Первый разъ вижу такіа карты. Гдѣ вы ихъ взяли?

Къ Юнгу вернулось самообладаніе. Онъ гладко солгалъ:

— Эти карты неизвѣстно какого происхожденія. Ко мнѣ онѣ перешли отъ отца, вывезшаго ихъ изъ Дагестана. Слушайте, Яковъ Адольфовичъ. У меня есть примѣта (карты были собраны, и оба присѣли уже къ столу), — если я въ пустую сыграю передъ настоящей игрой одинъ ударъ съ кѣмъ-нибудь этой колодой, — мнѣ должно тогда повезти за любимымъ столомъ.

— Хорошо, — сказалъ Бронштейнъ, — всѣ мы, игроки, — чудаки. Дѣлайте вашу игру. Закладываю въ банкъ на первый случай, солнце и... хотя бы... луну.

Быстрыми, летающими движеніями привычнаго игрока онъ сдѣлалъ, какъ всегда, въ макао, на четыре табло, и свучающимъ видомъ приподнял свои три карты.

— Девять — съ неизмѣняющимъ игроку никогда, даже при игрѣ въ пустую, удовольствіемъ сказалъ онъ.

Петроградъ въ эти дни.

Бывшіе офицеры и бывшіе студенты, зарабатывающіе хлѣбъ уборкой снѣга.

Юнгъ еле успѣлъ взглянуть на свои карты, т. е. на тѣ, что покрывали предполагаемое первое табло. Онъ проигралъ. у него было три.

V.

Приглашая Бронштейна сыграть въ «пустую», Юнгъ мысленно опредѣлилъ ставкой пять лѣтъ и два мѣсяца съ тѣмъ расчетомъ, что, выигравъ, вернется онъ къ особенно любимымъ въ прошломъ днямъ первыхъ свиданій съ Ольгой Невзоровой, дѣвучкой, которая должна была стать его женой и которую взялъ отъ земли тифъ. Проигравъ, наоборотъ, увлекалъ въ неизвѣстное, можетъ быть, къ смерти. Последнее не беспокоило Юнга. Фантастическая жизнь влудба, гдѣ каждая битая ставка являлась, въ видѣ маломъ и скудномъ, образомъ смерти, безчисленнымъ множествомъ этихъ отдѣльных потрясеній, давно уже притупила инстинктъ самосохраненія; къ тому же, какъ видѣли мы, Юнгъ самъ желалъ самоубійственнаго юнца.

У картъ не было крапа. Когда онѣ, въ числѣ трехъ, вѣеромъ легли передъ нимъ,—въ блестящей чернотѣ ихъ, отражавшей, словно водами глубокой пропасти, свѣтъ люстры, появились, двигаясь, нѣсколько тихо мерцающихъ точекъ. Особымъ, глубиннымъ и безотчетнымъ знаніемъ, Юнгъ понималъ, что точки эти—тѣ годы, которые онъ поставилъ. Девятка Бронштейна бросила ему въ горло первый комокъ спазмы. Странная подобія гримасы мысли сопровождали движеніе его руки, когда онъ открылъ свои три очка.

* * *

Юнгъ повернулся на бокъ. Все тѣло нестерпимо ныло,—какъ бы просило уничтоженія раздражающихъ прикосновеній одѣяла и тюфика. Прикрученная на кругломъ столѣ лампа горѣла больнымъ свѣтомъ. Въ креслѣ спала сестра милосердія, полная рыбакая женщина. Голова ея низко опустилась на грудь, производя такое впечатлѣніе, какъ будто сестрица всматривается въ собственные очки.

Ворочаясь, Юнгъ задѣлъ локтемъ склянку съ лекарствомъ: звонко ударившись о стаканъ, она разбудила дремавшую женщину.

— Глупости... некуда—съ...—забормотала она спросонокъ и очнулась.—Что вамъ? Пить?—Безпокойно, можетъ?—спросила она привычно заботливымъ голосомъ.—А вы хорошо спали нынче, поправитесь, видно.

— Да. Въ середи ночи проснулся,—не замѣчая ея смущенія, сердито сказалъ Юнгъ.—Смерть идетъ... Плохо мнѣ.

— Больные всѣ мнительны,—сказала сестрица.—Не такіе на моихъ глазахъ выздоравливали.

— А, ну васъ,—съ отчаяніемъ прошепталъ Юнгъ и закрылъ глаза.

Вчера вечеромъ, съ тонкостью интуиціи, присущей тяжело больнымъ, онъ видѣлъ по напряженному лицу доктора, что дѣло плохо. Различные воспоминанія съ беспорядочной яркостью пробѣгали въ его тоскующей головѣ. Между

Петроградъ въ эти дни.

«Митингъ» въ хлѣбномъ хвостѣ.

прочимъ, онъ вспомнилъ, какъ былъ пять лѣтъ назадъ клубнымъ арапомъ, вспомнилъ подробности нѣкоторыхъ вечеровъ, но далѣе того сила воспоминаній гасла, оставляя значительный промежутокъ неопредѣленныхъ туманностей, какъ это часто бываетъ у людей слабой или разсѣянной памяти; такъ называемый «проваль» лежалъ между текущимъ моментомъ и тѣмъ, когда онъ рѣшился идти топить.

Вдругъ Юнгъ вспомнилъ о картахъ. Они лежали подъ его подушкой. Сознаніе его не шло далѣе возможности очутиться съ помощью ихъ въ небытіи или въ новыхъ (старыхъ?) условіяхъ. Оно и не могло идти далѣе: магическая игра являла дѣйствительность столь опрокинутой, отраженной въ себѣ и послушной

необычайному, что Юнгъ безсильно поморщился. Онъ хотѣлъ быть съ Ольгой Невзоровой или не быть совсѣмъ.

— Юлія Петровна,—слабымъ голосомъ сказалъ онъ,—подвиньте мнѣ, пожалуйста, столикъ.

— Чего вы задумали еще? Лежите, лежите себѣ!

— Да ну, подвиньте!

Она поспорила еще, но исполнила, наконецъ, его желаніе. Юнгъ съ трудомъ приподнялся на локтѣ, положивъ передъ собою колоду. По причинѣ слабости, а также, чтобы избѣжать вопросовъ и любопытныхъ возгласовъ сестры милосердія, въ случаѣ, если бы она принялась разсматривать карты, Юнгъ задумалъ упрощенную игру въ «кучки». Въ игрѣ этой,—если играющихъ двое,—колода дѣлится, крапомъ вверхъ, на двѣ

равныхъ или неравныхъ половины. Каждый выбираетъ какую хочетъ и выигрываетъ тотъ, чья нижняя карта старше нижней карты противной «кучки».

Очки Юліи Петровны съ беспокойствомъ и удивленіемъ слѣдили за его дѣйствіями.

Юнгъ сталъ медленно приподнимать «кучку», лежавшую ближе къ нему. «Десять лѣтъ... десять лѣтъ и четыре мѣсяца»,—мысленно твердилъ онъ.

— Ахъ!—дико закричалъ онъ, увидѣвъ въ то же мгновеніе противъ короля второй кучки свою пиковую десятку.

Все кончилось.

А. С. Гринъ.

* * *

Пѣлъ самоваръ, часы стучали, Былъ незамѣтенъ бѣгъ минутъ, А мы задумались, молчали, И душу радовалъ уютъ. И было радостно до боли Сидѣть и слушать у окна, Какъ тамъ—въ холодномъ, снѣжномъ полѣ,

Поетъ метель—хмельна, хмельна. И было радостно до муки Глядѣть на облачную гладь, Твои протянутыя руки Любовно, нѣжно цѣловать. И слышать вздохи въюгъ хмельные, И видѣть, какъ кружится снѣгъ, И знать, что мы съ тобой родные, Не разлучимые на вѣкъ.

Юрій Zubовскій.

Баба бросилась в воду. Купила у честного «негоцианта»-мѣшечника три фунта хлѣба по сходной цѣнѣ,—другая баба увидала, попросила продать, подняла вопли, когда голодная счастливица отказала в хлѣбѣ.

Собрался уличный трибуналъ.

И когда смерть метнулась предъ глазами затравленной бабы, она съ проклятиемъ толпѣ, своимъ братьямъ и сестрамъ въ толпѣ, махнула черезъ эти красивыя замороженныя, словно въ погребальномъ глазетѣ, поручни.

Народный судъ простъ.

Только забулькала зеленая, бутылочнаго цвѣта, вопючая вода «Обводки».

А со стѣны, насупротивъ маячить и пестрить афиша, общающаяся за отѣнно-тонкую красоту, за черты Фрины этакой—нѣсколько фунтовъ хлѣба.

Бѣдныя бабы! Почему голодъ и нищета, всѣ годы войны, прежде и теперь, такъ глодали васъ, что лица у васъ уродливо вытянуты, а щеки желты, какъ пергаментный обрывокъ.

* * *

По Невскому тянутся шинельно-сѣрыми рядами люди, когда то воевавшіе, а теперь поступившіе къ «хозяину» возчикамъ.

Везутъ что то въ мѣшкахъ. Мѣшки оттопыриваются какой то квадратной мелкой чешуйкой.

Неловко одинъ изъ «автомедоновъ» повернулъ своего коняку какъ разъ въ тотъ моментъ, когда тащился красный вагонъ трамвая, и пошевні, взвизгнувъ дранными полозьями, отлетѣли вбокъ, ударились о другія сани и съ двухъ саней, разорвавшись, полетѣли мѣшки.

Посыпался въ грязный, притоптанный снѣгъ чистый, крѣпкій, голубоватый рафинадъ-плиточки.

На сладкую добычу ринулись, точно съ деревенскихъ прутьевъ-рыскаль сорвавшіеся псы, оголодалые столичные люди.

Увы, не только дѣти улицы.

Вонъ—вижу—дама въ котиковомъ прелестномъ пальто.

Вонъ господинъ съ сухими чиновничьими бачками.

остатки дорогого лакомства въ жидкую грязь.

* * *

Мраморная облицовка банка покрыта колеблющимися тѣнями, отбрасываемыми головами и рваными нагольными тулупами нищихъ мужиковъ и отошавшихъ бабъ.

Такъ и стоятъ цѣлыми днями, какъ на церковной паперти, и все время кланяются въ простраство, бросая косматыя бѣглыя тѣни на цѣнный полированный мраморъ банковскаго входа. Рабья, нищая, голодная Русь!...

А въ трехъ шагахъ отъ этой нищеты быстро копаются въ снѣгу и скотомъ льду фигуры нѣсколько иного типа.

Первые выпрашиваютъ, вторые работаютъ. Все новыя лица. Высокіе лбы, тщательно выбритыя

щеки, мягкіе взоры,—удивительная смѣсь, энергіи и непоколебимой учливости. Вчерашніе гвардейскіе офицеры. «Львы». А нынче эти «львы» расчищаютъ дорогу лошадямъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, у Пассажа, общее вниманіе привлекаетъ сѣдоватый бодрый генералъ, дѣятельно ворочающій киркой. На него глазѣтъ разношерстная толпа. Бабы соболѣзнуютъ, такъ сказать, подъ сурдинку. Громко боятся высказать сочувствіе: «хоть и старичекъ, хоть и слабенькій, а все же, поди,—буржуй!».

И всюду у деревянныхъ снѣготаялокъ копошатся все новые люди въ не изношенныхъ еще щегольскихъ шинеляхъ, фронтовыхъ сѣрыхъ бекешахъ, отороченныхъ серебристой барашковой смушкой.

Люди сегодняшней улицы, вчерашнихъ кабинетовъ и салоновъ.

Что ждетъ ихъ завтра?...

Авгурь.

Изъ-за сахара...

Должно быть упорный и методично-желчный саботажникъ.

Очевидно, немало рыскали по Питеру за сахаромъ, да ловкости, умѣнія не хватило купить, или «такихъ» денегъ нѣтъ.

А тутъ только бери—вонъ сколько этихъ квадратиковъ сіяетъ голубенькимъ свѣтомъ въ таломъ снѣгѣ, запечатанномъ резиновыми галошами. Солдаты-возчики протестуютъ лѣнливо. Имъ безразлично. Эка невидаль.

Сахаръ и сахаръ.

На площади св. Марка такъ приманиваютъ сытые туристы на горохъ голубей венеціанскихъ.

Петроградская публика, увы, только можетъ позавидовать прикормленнымъ птицамъ, не вѣдающимъ карточекъ.

Красногвардеецъ быстро наводитъ полный порядокъ, а Нѣкто, Безжалостный, смѣясь почти мѣфистофельскимъ смѣхомъ, затаптываетъ сапожниками

„Хвосты“.—Слѣва—шоколадный, справа—папирозный.

ПЕТРОГРАДЪ ВЪ ЭТИ ДНИ.

Рисунокъ для журнала „Огонекъ“ худ. М. РОШКОВСКАГО.

Хлѣбъ и зрѣлища.

Плакаты на рисункѣ уменьшены приблизительно въ 6 разъ, а скудная восьмушка фунта хлѣба—ежедневная порція—изображена въ натуральную величину

Редакторъ Владимиръ Бонди.

Государственная Типографія.

Издатель С. М. Проттеръ.